
Эрика Сандлер
Ненавижу красавчика
магической академии

Эрика Сандлер

Ненавижу красавчика магической академии

https://litres.ru/74703302
SelfPub; 2026

Аннотация

Селена Вайр подожгла экзаменационный зал, чтобы поступить в академию. Каэден Морвайн носит браслет, который подавляет его магию, — потому что его отца казнили за то, что он пытался уничтожить мир.

Огонь и Тень. Дочь прачки и сын предателя.

Камертон Основания — древний артефакт, который распределяет студентов по резонансным парам, — ставит их вместе. Впервые за двести лет. Академия в шоке. Студенты делают ставки, как скоро они убьют друг друга.

Они ненавидят друг друга. По-настоящему. До скрежета зубов, до чёрных пятен перед глазами, до желания сжечь или стереть в пепел.

Но каждую ночь Селена видит, как его тень тянется к ней. А Каэден чувствует, как её огонь — единственный свет, в котором его тьма не кричит от боли.

Когда из глубин Расколотого моря поднимается древняя тишина, способная сожрать всю магию мира, им придётся сделать

выбор: остаться врагами или стать чем-то, чего этот мир ещё не видел.

Проблема в том, что довериться ему — страшнее, чем сгореть.

Содержание

Глава 1. Камень не ошибается 5
Глава 2. Огонь не просит разрешения 19
Глава 3. Пальцы в чернилах 35
Глава 4. Шрамы не кричат 50
Конец ознакомительного фрагмента. 65

Эрика Сандлер
Ненавижу красавчика магической академии

Глава 1. Камень не ошибается

Корабль пах солёной гнилью и чужим страхом.

Селена Вайр стояла на корме, вцепившись в леер побелевшими пальцами, и смотрела, как из серой пелены Расколотого моря вырастает остров. Кайрн-Валь. Парящая скала, обросшая башнями, как старый пень — поганками. Даже отсюда, с расстояния в пол-лиги, она видела, как над островом дрожит воздух — не от жары, а от *звука*. От гула сотен резонансов, сплетённых в один непрерывный аккорд.

Четыре года. Четыре года она рвалась сюда. Трижды проваливала вступительный экзамен — не по слабости дара, а по упрямству комиссии. «Дочь прачки из Нижнего Веренна, — писали в отказе. — Резонанс нестабилен. Рекомендовано повторное обращение через два года». Через два года. Будто у неё были эти два года. Будто у неё были *деньги*, чтобы ждать.

На четвёртый раз Селена не стала ждать. Вошла в экзаменационный зал, положила ладонь на диагностический

кристалл и почувствовала, как внутри поднимается волна — горячая, тёмная, *неправильная*. Кристалл треснул. Парта вспыхнула. Занавески занялись. Экзаменатор, магистр с седой бородой и перстнем Чистого Резонанса, заорал что-то про «неконтролируемый выброс» и «немедленную изоляцию». А Селена стояла посреди огня и думала: *ну вот, теперь они точно меня запомнят*.

Запомнили. Зачислили «по исключительности дара». Формулировка, от которой несло жалостью, как от мокрой псины.

Корабль качнуло. Селена перехватила леер другой рукой. Ветер рвал полы её куртки — единственной приличной вещи в дорожном мешке. Форма академии лежала на дне, аккуратно сложенная, выглаженная чужими руками: Иллари Вейн, с которой Селена познакомилась три дня назад в портовом трактире, настояла. «Ты не можешь явиться на церемонию в этом, — сказала она, брезгливо трогая рукав куртки. — Это *преступление* против моды и здравомыслия». Селена хотела ответить, что здравомыслие — привилегия тех, у кого есть второй комплект одежды. Но промолчала.

— Эй! Огненная!

Селена обернулась. По палубе к ней шла Иллари — в белоснежном плаще, с распущенными светлыми волосами, которые ветер превращал в нечто средневеково-драматичное. В руках — две жестяные кружки.

— Чай, — Иллари сунула одну кружку Селене в грудь.

— Не благодари. Он отвратительный, но горячий. А мы обе выглядим так, будто нас сейчас стошнит.

— Меня не стошнит.

— Тебя укачало ещё в порту. Ты позеленела.

— Я *побледнела*. Это другое.

— Нет, милая. Зелёный. Как морская капуста. — Иллари отхлебнула, поморщилась. — Боги, какая гадость. Пей.

Селена отпила. Действительно гадость. Горячая, горькая, с привкусом ржавчины. Но руки перестали дрожать.

— Три дня пути, — пробормотала она, глядя на приближающийся остров. — Три дня в жестяной коробке с тремя сотнями первокурсников. И мы ещё даже не начали.

— Мы *уже* начали. — Иллари встала рядом, облокотилась на леер. Её плечо коснулось плеча Селены — тёплое, уверенное, пахнущее лавандой и дорогим мылом. — Слушай. Я уже решила. Ты будешь моей лучшей подругой.

Селена повернула голову.

— Что?

— Ты. Моя. Лучшая. Подруга. — Иллари загибала пальцы. — Я решила это в трактире, когда ты опрокинула кружку эля на бороду тому купцу и сказала: «Простите, у меня руки не для кружек, а для мордобоя». И он *действительно* извинился.

— Он извинился, потому что я подожгла ему бороду.

— *Детали*. — Иллари махнула рукой. — Суть в том, что ты — единственный человек на этом корабле, который не

смотрит на меня как на «дочку Вейнов». Ты смотришь как на надоедливую соседку по каюте. Это *освежает*.

Селена открыла рот. Закрыла. Посмотрела на Иллари — на её безупречный плащ, на тонкие пальцы с наманикюренными ногтями, на лицо, в котором не было ни одной заботы, кроме выбора между двумя сортами чая. И подумала: *какого чёрта*.

— Ладно, — сказала она. — Но если ты ещё раз назовёшь меня «огненная», я подпалю тебе подол.

— Договорились. — Иллари просияла. — А теперь допивай эту гадость и пойдём. Через час причал. И мне нужно переодеться. У меня три варианта мантии, и я не могу решить, какая говорит «я здесь случайно», а какая — «я здесь, чтобы всех порвать».

— А какая говорит «я дочь аристократа, но притворяюсь нормальной»?

— *Все три*, — Иллари хихикнула и потащила Селену за рукав. — Идём.

Зал Эха был именно таким, как его описывали в проспекте академии, и одновременно — совершенно другим.

Проспект врал. Врал скромно, сдержанно, как врут все официальные документы. Он писал: *«Зал Эха — главная аудитория Кайрн-Валя, вмещающая до восьмисот слушателей. Акустика зала позволяет услышать шёпот с любого расстояния»*.

Проспект не писал, что зал *дышит*. Что каменные стены покрыты рунами, которые пульсируют в такт чьему-то невидимому сердцу. Что воздух здесь густой, как мёд, и каждый вдох отдаётся лёгким звоном в ушах. Что потолок — не потолок, а *бездна*, уходящая вверх на сотни метров, и в этой бездне плавают огоньки — сотни, тысячи крошечных огоньков, каждый размером с монету, каждый разного цвета.

Селена стояла в толпе первокурсников — триста человек, триста мантий, триста пар глаз, расширенных от страха или восторга, — и чувствовала, как её собственный огонь *откликается* на гул зала. В груди пульсировало. Горячо. Не больно, но *настойчиво*. Как будто кто-то стучал изнутри: *я здесь, я здесь, я здесь*.

— Не вертись, — шепнула Иллари слева. Она была в мантии цвета глубокой воды — «вариант номер два, компромисс между скромностью и агрессией». — Ты светишься.

— Я не свечусь.

— У тебя волосы дыбом. Буквально. Кончики *тлеют*.

Селена пригладила рыжие вихры ладонью. Пальцы обожгло. Она сунула руки в карманы.

На возвышении в центре зала стоял Камертон Основания.

Три метра чёрного кристалла, гранёного, как алмаз, и такого же холодного на вид. Но Селена *чувствовала* его тепло — даже отсюда, из середины толпы. Кристалл гудел. Низко, на грани слышимости. Не звук — *вибрация*. В костях. В зубах. В том месте за грудиной, где живёт огонь.

Рядом с Камертоном стояла женщина.

Ректор Амаранта Кроу выглядела так, будто её собрали из трёх разных людей и забыли согласовать детали. Молодое лицо — гладкое, без единой морщины, с резкими скулами и тонким носом. Старые глаза — серые, выцветшие, видевшие слишком много. Волосы цвета грозового неба собраны в небрежный узел, из которого торчат карандаши и — Селена не поверила своим глазам — *сушёный василёк*. Мантия нараспашку, под ней — жилет с тридцатью карманами. В зубах — трубка, из которой вился дымок, пахнущий озоном и мокрой землёй.

Кроу затянулась. Выпустила кольцо дыма. Кольцо пролетело через зал, увеличиваясь, и лопнуло над головами студентов крошечной молнией. Кто-то вскрикнул. Кроу усмехнулась.

— А, — сказала она в тишину. Голос — хриплый, негромкий, но зал *донёс* его до каждого угла без искажений. — Вы. Триста штук. Свежие. Испуганные. Пахнете потом и амбициями. Прекрасно.

Она затянулась ещё раз.

— Меня зовут Амаранта Кроу. Я ректор этого заведения уже... — пауза, взгляд в потолок, — ...не важно, сколько. Достаточно, чтобы помнить, как вы все *входите*, и не помнить, как выходите. Шутка. — Не шутка. Улыбка не коснулась глаз. — Правило первое: не умирайте. Правило второе: если умираете — делайте это не в моей библиотеке. Книги

потом пахнут. Правило третье: Камертон не обсуждается. Не оспаривается. Не *понимается*. Он просто *есть*. И он решает, с кем вы будете работать этот год.

Кроу указала трубкой на кристалл.

— Подходите. По одному. Кладёте ладонь. Слушаете. Не думаете. Думать будете потом. Сейчас — *слушаете*.

Первый студент — здоровый парень с квадратной челюстью — подошёл к Камертону. Положил руку. Кристалл вспыхнул *зелёным*. Вентус. Зал загудел. Парень отошёл, сияя. Второй — девушка, маленькая, дрожащая. Ладонь на кристалл. Синяя вспышка. Аква. Третий. Четвёртый. Пятый.

Селена считала. Не специально. Просто руки не находили себе места, и считать было легче, чем стоять.

— Вайр, Селена, — прозвучало из списка.

Она вышла. Триста глаз. Триста мантий. Три сотни шёпотков: *«та самая, что подожгла зал», «дочь прачки», «смотри, у неё форма мятая»*. Селена подняла подбородок. Подошла к Камертону.

Кристалл был тёплым. Не горячим — *тёплым*. Как кожа живого существа. Селена положила ладонь.

Мир *вспыхнул*.

Не перед глазами — *внутри*. Красный. Густой, тягучий, живой красный. Как кровь, если бы кровь была раскалённой. Как закат, если бы закат можно было потрогать. Огонь в груди откликнулся — рванулся навстречу, как пёс, увидевший

хозяина. И Селена *услышала*. Не ушами. Костями. Мозгом. Тем местом, где живёт пламя.

Звук. Низкий, чистый, бесконечный. Нота, которая не заканчивается. *Её* нота.

Кристалл полыхнул алым. Зал ахнул. Селена отдёрнула руку. Ладонь горела — не болью, а *памятью*. Как будто огонь оставил отпечаток. Она сжала кулак. Отошла. Не оглянулась.

Иллари поймала её взгляд из толпы. Подняла большой палец. Селена не ответила. Сердце колотилось где-то в горле.

Список шёл дальше. Имена, вспышки, ахи. Аква, Терра, Вентус, Игнис. Аква, Аква, Терра. Игнис. Вентус.

А потом зал *затих*.

Не постепенно. Не нарастающе. *Мгновенно*. Как будто кто-то вырвал звук из воздуха.

Селена обернулась.

К Камертону шёл парень. Высокий, худощавый, в чёрной мантии, застёгнутой до самого горла. Волосы — тёмные, длинные, собранные в низкий хвост. Кожа бледная, почти прозрачная, с синеватым отливом, как у того, кто давно не видел солнца. Лицо — не красивое и не уродливое. *Острое*. Как лезвие. Как зимний вечер. Как слово, которое не хочется произносить.

Но не лицо заставило зал замолчать.

Браслет на левом запястье. Чёрный металл. Багровый камень, тускло пульсирующий. *Глушитель*. Знак Пепельного.

Знак Умбры. Знак того, кого мир решил *простить*, но не *забыть*.

Шёпот пополз по залу, как трещина по льду. *«Морвайн», «сын Эдриана», «Пепельный», «как он посмел», «здесь? среди нас?»*. Селена видела, как несколько студентов отступили на полшага. Как кто-то скрестил руки на груди. Как Маркус Вейл — она запомнила его имя из списка, Чистый Резонанс, Игнис, — *усмехнулся*. Громко. Демонстративно.

Парень не повернул головы. Шёл ровно. Спина прямая. Подбородок чуть поднят. Не высокомерно — *защитно*. Как человек, привыкший, что на него смотрят, и решивший, что лучше пусть смотрят на спину, чем на лицо.

Он подошёл к Камертону. Остановился. Секунда. Две. Зал не дышал.

Положил ладонь.

Кристалл не вспыхнул. Он *загудел*. Низко. Болезненно. Как стон. Как звук, который издаёт металл, когда его гнут слишком сильно. Багровый камень в Глушителе вспыхнул в ответ — и погас. Парень побледнел ещё сильнее. Его пальцы на кристалле *побелели*. Костяшки проступили сквозь кожу. Селена видела это с расстояния в двадцать шагов. Видела, как дрогнула его челюсть. Как он *сглотнул*.

Вспышка была тёмной. Не чёрной — *тёмной*. Как тень, отброшенная на белый свет. Как пауза между двумя нотами. Зал выдохнул. Кто-то хихикнул. Кто-то сказал: *«Ну конечно»*.

Парень убрал руку. Отошёл. Встал в стороне от всех. Один. Руки по швам. Лицо — ничего. Абсолютное, выверенное, отточенное *ничего*.

Селена смотрела на него. Не могла отвести глаз. Не из жалости. Не из любопытства. Из чего-то другого. Из того же, что заставило её четыре года подряд возвращаться к экзаменационной двери. Из упрямства. Из *узнавания*.

Он тоже борется, подумала она. *Просто его война тише моей*.

Парень — Каэден Морвайн, вспомнила она — не смотрел в зал. Смотрел в пол. Или сквозь пол. Селена не могла понять.

А потом Кроу взяла список.

— Резонансные пары, — сказала ректор. Без вступления. Без паузы на драму. Просто: *пары*. — Камертон решил. Я зачитываю. Не обсуждаем. Не оспариваем. Не *понимаем*.

Список. Имя, имя. Имя, имя. Аква и Терра. Вентус и Игнис. Аква и Аква. Рутина. Студенты переглядывались, кивали, пожимали руки. Кто-то морщился. Кто-то улыбался. Обычное дело.

Селена перестала слушать на двадцать третьей паре. Смотрела на свои ботинки. Думала о том, что завтра первая лекция и у неё нет ни одного учебника, потому что стипендия придёт только через неделю, а в книжной лавке цены как в ювелирной. Думала о том, что Иллари уже трижды предла-

гала «просто одолжить», и трижды Селена отвечала «нет», и трижды чувствовала себя идиоткой.

— ...Холт и Вейн, — донеслось откуда-то издалека.

— ...Грей и Оррис.

— ...Вайр и Морвайн.

Тишина.

Не та тишина, что была при появлении Каэдена. Та была *настороженной*. Эта была *мёртвой*. Как будто зал забыл, как дышать.

Селена подняла голову.

Что?

Она обернулась. Искала глазами. Нашла. Каэден Морвайн стоял в трёх метрах от неё — ближе, чем она думала. Бледный. Застёгнутый на все пуговицы, до самого кадыка. Браслет на запястье. Тёмные глаза. Тёмные волосы. Тёмный силуэт на фоне трёхсот разноцветных мантий.

Их взгляды встретились.

У Селены в голове прозвучало одно-единственное: *«Аристократическая морда»*. Не злобно. Не осознанно. Просто — *автоматически*. Как рефлекс. Как чих. Белый воротник, прямая спина, взгляд свысока (хотя он не смотрел свысока, он смотрел *ровно*, но Селене *казалось*). Аристократическая морда. Из тех, что рождаются в шелках и считают, что мир им должен. Из тех, что говорят «вы» вместо «ты», чтобы не пачкать рот. Из тех, что *не должны* стоять здесь, с браслетом на руке и страхом в тени.

Но он стоял. И браслет был. И страх был.

А в голове Каэдена Морвайна — в той её части, что работала не словами, а *ощущениями*, — вспыхнуло другое. Его теневое зрение, то самое, что Глушитель не мог подавить, *ударило* в глаза. Её тень — тень Селены Вайр — *кричала*. Не горела. Не мерцала. *Кричала*. Оранжево-красным, раскалённым, оглушительным. Как если бы кто-то включил кузнечный горн в комнате, где он пытался спать. Виски заломило. Зубы свело.

Её огонь кричит так, что у меня трещат виски, подумал Каэден. И добавил, по привычке, холодно, точно: *Неконтролируемый. Опасный. Громкий*.

Где-то в зале Маркус Вейл расхохотался. Громко, открыто, без стеснения.

— Игнис и Умбра! — крикнул он, не обращаясь ни к кому конкретно. — Камень, ты пьян! Или это шутка? Огонь и тень? Они же *аннигилируют*!

Смешки. Нервные, неуверенные, но *смешки*. Триста человек смотрели на Селену и Каэдена, как на цирковых зверей, которых выпустили в одну клетку.

Селена сжала кулаки. Ногти впились в ладони. Она не обернулась на Маркуса. Не посмотрела на толпу. Смотрела только на Каэдена. А он — на неё.

В его лице не было ничего. Ни злости. Ни насмешки. Ни страха. Только — *усталость*. Глубокая, старая, костяная усталость человека, который слишком долго держал что-то

тяжёлое и уже не чувствует веса, но и не может положить.

Селена разжала кулаки.

Каэден отвернулся первым. Не резко. Не демонстративно. Просто — *повернулся*. Как закрывают книгу на неинтересной странице. И пошёл к выходу. Спина прямая. Шаг ровный. Тень за ним — длинная, тонкая, дрожащая.

Селена смотрела ему вслед. Потом отвернулась сама. В другую сторону. К Иллари, которая стояла с открытым ртом и глазами размером с блюдца.

— Ну, — сказала Иллари. — Это... *интересно*.

Селена не ответила. Смотрела в пол. В груди гудело. Не от Камертона. От *него*. От того, как он стоял. Как молчал. Как *не* защитился, когда зал смеялся. Как будто ему было не в первый раз.

Камень не ошибается, подумала Селена. Вспомнила слова Кроу. *Не оспаривается. Не понимается*.

Она подняла глаза на Камертон Основания. Кристалл молчал. Тёмный. Спокойный. Будто ничего не произошло.

Камень не ошибается, подумала Селена снова.

Но он определённо издевается.

У выхода она обернулась. В последний раз. Каэден Морвайн был уже в дверях. Не оглянулся. Но его тень — Селена *видела*, краем глаза, боковым зрением, тем самым, которым чувствуют жар печи, — его тень *замерла*. На секунду. В дверном проёме. Как будто ждала.

А потом — ушла. И дверь закрылась.

Селена сунула руки в карманы. Нашла там смятый билет на корабль. Обрывок нитки. Кусочек угля, оставшийся после утренней тренировки.

Ладно, подумала она. *Ладно. Один год. Три часа в день в какой-то камере. Я пережила четыре отказа. Переживу и аристократическую морду с браслетом*.

Она не знала, что в тридцати метрах от неё, за закрытой дверью, Каэден Морвайн прислонился спиной к стене. Закрыл глаза. Прижал ладонь к Глушителю. И думал ровно одно:

Огонь. Мне дали в пару огонь. И он кричит так, что я не смогу уснуть ни одной ночи.

А потом оттолкнулся от стены. Выпрямил спину. Застегнул верхнюю пуговицу, которая расстегнулась. И пошёл по коридору. Ровно. Тихо. Один.

Как всегда.

Глава 2. Огонь не просит разрешения

Первая неделя в Кайрн-Вале пахла озоном, старой пылью, серой и чужим страхом.

Академия оказалась не просто школой — она была живым, дышащим организмом, который жевал своих студентов, переваривал их амбиции и выплёвывывал либо магов, либо пепел. Селена поняла это уже ко второму дню, когда обнаружила, что её матрас в общежитии Башни Игнис буквально *подстраивается* под температуру тела, а стены в коридорах шепчутся, если пройти мимо них слишком быстро.

— Теория Резонанса, — монотонно бубнила Иллари, сидя напротив Селены в Зале Эха и старательно выводя руны в тетради с золотым тиснением. — Это не просто звук, Сел. Это геометрия души. Смотри: если представить магию как волну, то Игнис — это пик, а Аква — это впадина. Когда они встречаются...

— Они аннигилируют, — буркнула Селена, подпирая голову кулаком и пытаясь не уснуть. — Как я и этот учебник. Иллари, я не понимаю ни слова. «Частота колебаний эфирного поля». У меня нет эфирного поля. У меня есть только желание поджечь эту доску.

— Не смей, — Иллари шлёпнула её по руке линейкой.

— Профессор Вентус заметит. И он поставит тебе «неуд», а потом заставит слушать, как звучит прорастающая пшеница. Ты сойдёшь с ума.

Селена вздохнула и посмотрела на доску. Мел сам собой чертил сложные схемы, повинуясь взмахам руки преподавателя — сухого, как пергамент, старика с глазами цвета выцветшего неба. Для Селены магия никогда не была геометрией. Магия была *голодом*. Она жила где-то под рёбрами, свёрнутая клубком, и просила еды. Когда Селена злилась, клубок разворачивался и обжигал горло. Когда она боялась — он становился холодным и тяжёлым, как свинец. Но называть это «частотой колебаний»? Это было всё равно что называть ураган «небольшим движением воздушных масс».

Её спас гонг, возвещающий конец лекции и начало боевой практики.

Мастерская пиромантов в Башне Игнис находилась глубоко под землёй, в пещерах, где стены были оплавлены до состояния чёрного стекла. Воздух здесь всегда был сухим и горячим, пах плавящимся воском и медью.

Магистр Бран Холт, известный среди студентов как «Огненный Кнут» (хотя в глаза ему этого говорить не советовали), стоял в центре арены. Он был огромным, с шрамами, пересекающими лицо так, будто его собрали из кусков, и носил кожаный фартук поверх голого торса.

— Сегодня мы работаем с микро-контролем, — прорычал

Холт, бросая на каменный пол перед каждым студентом по тонкой восковой свече. — Ваша задача — зажечь фитиль. Не свечу. Не расплавить воск. *Только фитиль*. Если воск потечёт — вы не контролируете свой Резонанс. Вы — не маг, вы — поджигатель. Начали.

Селена посмотрела на свою свечу. Тонкая, белая, жалкая.

Она вытянула руку. Сосредоточилась. Представила искру. Маленькую, послушную, как дрессированная мышь. *Просто искра*, твердила она себе. *Только фитиль. Не ешь всё остальное.*

Она почувствовала, как внутри щёлкнул невидимый курок. Тепло хлынуло по венам, собралось в ладони и сорвалось с кончиков пальцев.

ВЖЖУХ.

Вспышка была не оранжевой. Она была ослепительно-белой, с чёрной сердцевиной. Свеча не просто загорелась — она *исчезла*. Восковой puddle на камне вскипел и испарился за долю секунды. Но этого огню Селены показалось мало. Пламя, не найдя больше пищи, жадно лизнуло каменную парту. Камень, выдерживавший жар вулканов, вдруг пошёл трещинами и начал крошиться в серый пепел.

Селена в ужасе дёрнула рукой назад, обрывая поток. Огонь погас. От парты осталось только выжженное пятно и горстка пыли.

Вокруг стояла тишина. Студенты смотрели на неё кто с испугом, кто с насмешкой.

Селена сжала кулаки, пряча дрожащие пальцы. *Снова. Опять эта тварь внутри меня жрёт больше, чем нужно.*

Тяжёлые шаги. Бран Холт остановился напротив. Посмотрел на пепел. Посмотрел на Селену.

— Мисс Вайр, — его голос был тихим, что было страшнее его крика. — Что это было?

— Сбой контроля, магистр, — Селена подняла подбородок, готовясь к разносу. — Я... пережала поток.

Холт наклонился, провёл мозолистым пальцем по пеплу, растёр его.

— Пережала... — он хмыкнул, и в его глазах блеснул странный, хищный интерес. — Огонь, который не греет, мисс Вайр, а *пожирает*. Он не просто горит. Он ест материю. Впечатляюще. Очень... голодно.

Он выпрямился.

— Отрабатывать контроль. До ужина. Если к закату вы не научитесь зажигать спичку, не сжигая при этом казарму, я лично утоплю вас в Расколотом море. Ясно?

— Так точно, магистр.

Селена выдохнула. Но облегчения не было. *Голодно*. Холт сказал это так, будто описывал не магию, а болезнь.

Вечером, когда Селена, вымотанная до предела, брела через внутренний двор к столовой, она увидела его.

Каэден Морвайн стоял в дальнем углу двора, под сводами галереи Башни Умбра. Он был один. Профессор Дрейк,

высокий мужчина в тёмном балахоне, стоял в паре шагов от него, скрестив руки на груди.

Селена остановилась в тени арки. Она не хотела подглядывать. Честно. Но ноги сами собой вросли в булыжник.

Каэден пытался плести теневую нить. Это было базовое упражнение первого курса — создать из собственной тени тонкий, прочный жгут, способный выдержать вес книги. Селена видела, как он сосредоточен: брови сведены, бледное лицо напряжено, тонкие пальцы с чернильными пятнами вычерчивают в воздухе сложные пассы. Тень у его ног зашевелилась, потянулась вверх, начала свиваться...

И тут багровый камень на его запястье *пульснул*.

Глушитель.

Теневая нить дрогнула, истончилась и рассыпалась в серый, жалкий дым. Каэден пошатнулся, словно получил физический удар. Он опустил руки. Его грудь часто вздымалась. Дрейк что-то тихо сказал. Каэден покачал головой — упрямо, зло — и снова поднял руки. Снова пассы. Снова тень тянется. Снова багровая вспышка браслета. И снова — серый дым.

Он задыхался. Селена видела это даже отсюда. Глушитель не просто подавлял магию — он *душил* её. Он перекрывал поток в самом источнике, заставляя мага тратить силы впустую, биться головой в закрытую дверь.

Селена ждала, что внутри неё поднимется злорадство. *Ну что, аристократическая морда? Не так ты и силён без сво-*

их книжек?

Но злорадства не было. Вместо него в груди кольнуло что-то острое, неприятное, похожее на жалость. А жалость Селена ненавидела больше всего на свете. Жалость была для слабых.

Она резко развернулась и пошла прочь, стуча каблуками громче, чем было нужно, чтобы заглушить странный, липкий дискомфорт. *Мне плевать*, твердила она себе. *Пусть задыхается. Он Пепельный. Он из тех, кто привёл мир к Расколу. Ему ещё повезло, что ему вообще разрешают дышать.*

Но образ его побелевших пальцев и серого, бессильного дыма стоял перед глазами до самой столовой.

Контактные комнаты в Кайрн-Вале выглядели как камеры для допросов, только с лучшей акустикой. Три метра на три. Стены из серого базальта, испещрённые рунами подавления, которые тускло светились синим. Ни окон. Ни мебели. Только два круга на полу, начертанных мелом, на расстоянии вытянутой руки друг от друга.

Селена стояла в своём круге, скрестив руки на груди. Каэден стоял в своём, заложив руки за спину. Между ними висела тишина, густая и враждебная, как туман над болотом.

Наблюдающий за ними преподаватель, магистр Вентус по имени Фэллон (молодой, с бегающими глазами и вечно растрёпанными волосами), зевнул и посмотрел на песочные ча-

сы.

— Итак, резонансная пара номер один, — протянул он. — Игнис и Умбра. Задача проста. Вы не должны атаковать. Вы не должны защищаться. Вы должны *открыть* свои Резонансы и позволить им соприкоснуться. Почувствовать частоту партнёра. Найти точку пересечения. У вас пять минут. Начинайте.

Фэллон щёлкнул пальцами, и дверь за ним захлопнулась, отрезая путь к отступлению. Руны на стенах зажужжали, создавая вакуумный купол.

Селена глубоко вздохнула. *Ладно. Просто откройся. Немного. Как дверцу печи. Не надо пожара. Просто тепло.*

Она закрыла глаза. Представила, как внутри неё разворачивается клубок. Осторожно. По миллиметру. Она почувствовала, как кожа на лице начинает гореть, как воздух вокруг неё становится сухим и горячим. Она приоткрыла глаза. Воздух над её ладонями дрожал от жара. Слабое оранжевое свечение. Неплохо. Даже хорошо.

Она подняла взгляд на Каэдена.

Он стоял неподвижно. Его лицо было маской абсолютного спокойствия, но Селена заметила, как напряглись его скулы. Он не закрывал глаза. Он смотрел прямо на неё. И его тень — та самая, что лежала у его ног, — начала медленно, неохотно подниматься, расползаясь по стенам чёрными чернильными пятнами.

Их магии встретились в центре комнаты.

Для Селены это было похоже на то, как если бы она шагнула в прохладную, тёмную воду. Жар в её крови на секунду приглушился, стал вязким. Она почувствовала *его* Резонанс. Он был холодным. Глубоким. И *тяжёлым*. Как камень на дне океана.

Но для Каэдена это было совсем не так.

Теневое зрение Умбры, обострённое до предела даже сквозь Глушитель, воспринимало магию не как температуру, а как *свет*. И огонь Селены для него был не просто ярким. Он был *оглушительным*. Это было всё равно что запереть человека в тёмной комнате и внезапно включить прожектор в упор в глаза.

Каэден резко дёрнулся. Его рука метнулась к лицу, заслоняя глаза. Он сделал шаг назад, выходя из своего круга, и с глухим стуком впечатался спиной в базальтовую стену. Руны подавления на стене вспыхнули, пытаясь компенсировать всплеск энергии.

Селена мгновенно оборвала поток. Оранжевое свечение погасло.

— Ты чего? — рявкнула она, делая шаг вперёд. — Я же едва горела!

Каэден медленно опустил руку. Его лицо было белее мела, а в тёмно-серых глазах с серебристыми вкраплениями плескалась неприкрытая, ледяная ярость. Он моргал, словно пытаясь выжечь из сетчатки фиолетовые пятна.

— У вас нет контроля, — его голос был тихим, но каждое

слово падало на каменный пол, как удар молота. — Вы не «едва горели». Вы *орали*. Ваш Резонанс лишён структуры. Он хаотичен. Вы опасны не для врагов, Вайр. Вы опасны для союзников.

Селена почувствовала, как внутри вспыхивает знакомый, спасительный гнев. Гнев был лучше, чем стыд. Гнев был щитом.

— Опасна? — она усмехнулась, делая ещё шаг. — Прости, я забыла, что разговариваю с великим мастером теней, который не может сплести даже шнурок без того, чтобы его браслет не начал паниковать!

Она ткнула пальцем в его левое запястье. Багровый камень Глушителя тускло пульсировал, словно в такт её словам.

Каэден не дрогнул. Только его тень за спиной на секунду ощетинилась иглами.

— Мой браслет — это закон, — ровным, мёртвым тоном произнёс он. — А ваша магия — это авария. Вы не маг, Вайр. Вы — неисправная бомба, которую почему-то допустили к детям.

— А ты — трус! — выплюнула Селена, чувствуя, как к горлу подступает тошнота от обиды. — Ты прячешься за манерами, за цитатами из учебников и за этой чёртовой железякой на руке! Ты вообще можешь что-то сам? Или ты просто пустое место, которое Совет терпит из жалости?

В комнате повисла тишина. Такая плотная, что её можно

было резать ножом.

Каэден смотрел на неё. Его лицо не выражало ничего. Ни гнева. Ни оскорбления. Только ту самую, бесконечную усталость, которую она видела в Зале Эха.

— Сессия провалена, — раздался голос Фэллона из динамика в потолке. Дверь со щелчком открылась. — Оценка «неудовлетворительно» обоим. Морвайн, вы нарушили круг. Вайр, вы перешли на личности. Свободны. И... постарайтесь не убить друг друга до завтра.

Каэден первым направился к двери. Проходя мимо Селены, он даже не посмотрел в её сторону.

— Уберите с дороги свою тень, Вайр, — бросил он через плечо. — Она пачкает пол.

Селена сжала кулаки так, что ногти пробили кожу. Она смотрела ему в спину, и в голове билась одна-единственная мысль: *Я заставлю тебя уважать меня. Чего бы мне это ни стоило.*

Спать было невозможно.

Общежитие гудело. Где-то за стеной соседки-первокурсницы хихикали, пытаясь левитировать подушки. Где-то наверху кто-то практиковался в гидрокинезе, и по трубам противно булькала вода. Селена ворочалась на скрипучем матрасе, чувствуя, как под кожей зудит неизрасходованная энергия. Слова Каэдена жгли хуже, чем её собственный огонь.

«Неисправная бомба».

Она сбросила одеяло, натянула штаны и рубашку, сунула ноги в ботинки и выскользнула в коридор.

Крыша Башни Игнис была её личным убежищем. Сюда никто не лазил — слишком высоко, слишком ветрено, и парапет был оплавлен от частых студенческих «тренировок». Селена любила это место. Здесь, над облаками, под холодным светом звёзд, её огонь чувствовал себя свободным.

Она подошла к краю, глядя на Расколотое море, чернильной чернотой раскинувшееся внизу. Ветер трепал её короткие рыжие волосы.

Контроль, подумала она. *Холт сказал — контроль. Этот высокомерный ублюдок сказал — контроль.*

Селена вытянула руку над бездной. Закрыла глаза. Она не хотела жечь. Она хотела *создать*. Маленький, идеальный шар. Тёплый, послушный, как ручной зверёк. Она собрала волю в кулак, направила её в кончики пальцев и тихо выдохнула:

— Гори.

Над её ладонью вспыхнул огонёк.

Селена открыла глаза и улыбнулась. Шар был идеальным. Ровным.

Но длилось это ровно секунду.

Внутри неё, в том самом тёмном месте, где жил страх быть отвергнутой, страх оказаться «неправильной», что-то дёрнулось. Тревога. Злость на Каэдена. Страх перед самой собой.

Оранжевый шар дрогнул. И почернел.

Это не был чёрный цвет в привычном понимании. Это было *отсутствие* света. Сфера стала абсолютно чёрной, и от неё не шло жара. Наоборот — Селена почувствовала, как холод пробирает до костей. Чёрное пламя не освещало её руку. Оно *пожирало* свет звёзд вокруг. Оно пожирало тепло её кожи.

— Нет, — прошептала Селена, пытаясь закрыть поток. — Нет, прекрати!

Но огонь не слушался. Он был голоден. Он рванулся по её руке вверх, обжигая не жаром, а леденящей, некротической болью.

Селена вскрикнула и тряхнула рукой, отшвыривая сферу в небо. Чёрная капля улетела в темноту и растворилась, не оставив даже дыма.

Селена упала на колени, прижимая левую ладонь к груди. Она тяжело дышала. Когда она отняла руку, на ладони красовался ожог. Но не красный, а серый, с чёрными прожилками, словно венозная сетка. И он был ледяным.

Что со мной? думала она, глядя на уродливую метку. *Это не Игнис. Игнис жжёт. А это... это ест. Это тень. Во мне есть тень. Я такая же, как они. Я Пепельная.*

Паника подступала к горлу. Селена зажмурилась, пытаясь прогнать видение казни, о которой кричали газеты десять лет назад. Видение людей с чёрными глазами, сжигающих города.

И в этой звенящей тишине её собственного ужаса она услышала звук.

Тихий, ритмичный. *Шш-шш. Шш-шш.*

Селена открыла глаза и осторожно подняла голову.

Башня Игнис стояла на утёсе, но чуть поодаль, отделённая узким, глубоким ущельем, начиналась Башня Вентус. Её крыша была плоской, утыканной медными трубами обсерватории. И там, сидя на парапете, свесив ноги в пропасть, был Каэден.

Он не спал. Он держал на коленях толстый кожаный блокнот и что-то писал. Рядом с ним лежал маленький кристалл, источающий слабый, призрачный свет — не огонь, а холодную лунную иллюзию.

Селена замерла, боясь пошевелиться. Она была в тени, и он не мог её видеть. Но она видела его.

Ветер трепал его длинные тёмные волосы, выбивая их из хвоста. Он склонился над блокнотом, и Селена, обладавшая острым зрением охотника, видела, как двигается его рука. Тонкие, длинные пальцы с чернильными пятнами выводили сложные, ломаные линии. Руны. Не те, что учат на первом курсе. Эти были старше. Они казались живыми, они *корчились* на бумаге.

Он рисовал. И это было... красиво.

Движения его руки были лишены той резкости и угловатости, которыми он защищался от мира днём. Здесь, в темноте, он был плавным. Точным. Совершенным.

Красиво, подумала Селена, и эта мысль вызвала у неё приступ раздражения. *Ненавижу, что это красиво. Ненавижу, что он умеет делать что-то, кроме как смотреть на всех свысока.*

Она должна была уйти. Тихо спуститься по лестнице и вернуться в кровать. Но она сидела, прижав обожжённую ладонь к колену, и смотрела. Смотрела на то, как ветер обдувает его бледный профиль. На то, как он иногда останавливается, прикусывая нижнюю губу, и смотрит в небо, будто ища там ответы, которых нет в книгах.

В тридцати метрах от неё, на крыше Башни Вентус, Каэден Морвайн перестал писать.

Он не поворачивал головы. Ему не нужно было. Его теневое зрение, обострённое ночной тишиной, рисовало ему мир в оттенках серого и чёрного. И в этом монохромном мире на крыше соседней башни горело пятно.

Оно было тусклым, дрожащим, с рваными краями. Тень Селены Вайр.

Каэден чувствовал её присутствие как физическую тяжесть на плечах. Он чувствовал, что она напугана. Тень дрожала — мелко, часто, как у загнанного зверя. И ещё он чувствовал боль. Острую, холодную боль, исходящую от её левой руки.

Она ранена, констатировал факт его мозг, холодный и безжалостный аналитик. *Она пыталась колдовать ночью. По-*

теряла контроль. Снова.

Каэден сжал перо так, что оно хрустнуло.

Он должен был встать и уйти. Он должен был спуститься в комнату, запереть дверь и позволить этой сумасшедшей огненной девчонке самой разбираться со своими демонами. Она назвала его трусом. Она сказала, что он пустое место.

Но он не вставал. Он сидел, глядя на свои руны, и слушал, как её тень скулит в темноте.

Она не злая, подумал он вдруг, и эта мысль была такой чужеродной, что он тут же попытался её отогнать. *Она просто сломанная. Как и я. Только её сломали изнутри, а меня — снаружи.*

Каэден закрыл блокнот. Свет кристалла погас.

Он медленно поднялся, отряхнул штаны и, не оборачиваясь, пошёл к люку.

На соседней крыше Селена увидела, как его силуэт растворился в темноте. Она осталась одна. Ветер стал холоднее. Она посмотрела на свою ладонь. Серые прожилки ожога начинали медленно розоветь, возвращаясь к нормальному цвету. Боль утихала.

Он знал, что я здесь, подумала Селена. *Он чувствовал меня. И не сказал ни слова.*

Она встала, подошла к парапету и посмотрела на тёмный провал между башнями.

Я всё равно докажу ему, подумала она, и в её груди снова, упрямо и зло, разгорался огонь. *Я докажу этому ледяному*

ублюдку, что я не бомба. Я — пожар. И он ещё захлебнётся в нём.

А в недрах Башни Вентус, спускаясь по винтовой лестнице в абсолютной темноте, Каэден Морвайн думал ровно об одном:

Её тень плакала. И это невыносимо. Потому что я не имею права хотеть её утешить.

Они шли спать. Каждый в свою башню. Каждый в свою клетку. И оба, закрывая глаза, видели только друг друга.

Глава 3. Пальцы в чернилах

Арена Разлома не была просто помещением. Она была живым, злобным организмом, который каждые десять минут менял геометрию, чтобы сломать шею тому, кто зазевается.

Сейчас арена представляла собой лабиринт из узких каменных коридоров и внезапных пропастей. Воздух здесь всегда пах озоном и палёным камнем, а эхо шагов возвращалось с искажением, будто кто-то невидимый шептал вам в спину ваши же слова.

Селена тяжело дышала, прижавшись спиной к шершавой стене. По виску текла струйка пота, щипля глаз. Её форма была покрыта копотью, а на левом предплечье красовался свежий, болезненный ожог в виде тонкой линии — подарок Маркуса Вейла.

— Ты предсказуема, Вайр! — голос Маркуса доносился откуда-то сверху. Он стоял на выступе, который секунду назад был полом, а теперь стал балконом. Его огненно-рыжая мантия развевалась, хотя ветра в зале не было. Он даже не вспотел. — Ты бьёшь широко. Ты тратишь резерв на шум и свет. Это типично для... грязнокровок. Вы думаете, что если орёте громче, то бьёте сильнее.

Селена стиснула зубы. *Не слушай. Он хочет, чтобы ты разозлилась. Злость делает огонь неконтролируемым.* Она вытянула руку, формируя плотный, горячий шар, и метнула

его в выступ.

Маркус даже не уклонился. Он лениво взмахнул кистью, и перед ним возник щит из спрессованного, почти белого пламени. Шар Селены ударил в щит и разбрызгался искрами, не причинив никакого вреда.

— Слабо, — констатировал Маркус. — Чистый Резонанс не требует грубой силы. Ему требуется *структура*.

Он прыгнул вниз. В полёте его тело окуталось огненным вихрем. Он приземлился в пяти метрах от Селены, и каменный пол под его ботинками расплавился, превратившись в чёрное стекло.

Трибуны гудели. Студенты делали ставки. Селена знала, что на неё ставят только отчаянные романтики и те, кто ненавидел аристократов. Большинство ждало, когда Вейл красиво и технично её уничтожит.

Маркус сделал шаг вперёд. Его пламя не было оранжевым или красным. Оно было ослепительно-жёлтым, чистым, идеальным.

— Сдайся, Вайр. Ты позоришь Башню Игнис. Твой Резонанс — это помойная яма, в которую свалили всё, что не подошло Чистым.

Селена почувствовала, как внутри неё щёлкнул предохранитель. Не тот, что отвечал за контроль. Тот, что отвечал за *выживание*.

Она не стала формировать шар. Она просто *открыла* себя. Позволила тому клубку под рёбрами развернуться пол-

ностью.

Воздух между ними задрожал. Но не от жара. От *холода*.

Из ладоней Селены хлынуло пламя. Оно было чёрным. Абсолютно, пугающе чёрным, с багровыми прожилками у самого основания. Оно не издавало звука — ни треска, ни гула. Оно просто *пожирало* пространство.

Маркус усмехнулся и выставил вперёд руки, создавая двойной огненный щит.

— Думаешь, грязь может...

Он не закончил.

Чёрное пламя Селены не ударилось о его щит. Оно *впилось* в него. Как кислота в металл. Как голодная стая в падаль. Жёлтый, чистый огонь Маркуса зашипел, начал скручиваться, темнеть и исчезать, всасываясь в чёрный вихрь Селены.

Маркус побледнел. В его глазах впервые за весь бой мелькнул настоящий, животный ужас. Он попытался разорвать связь, отозвать магию, но было поздно. Чёрный огонь полз по его щиту, перебираясь на рукава мантии. Ткань начала тлеть, не вспыхивая, а просто рассыпаясь в серый пепел.

— Что это?! — заорал Маркус, отшатываясь и ломая собственную стойку. — Это не Игнис! Это тень! Она использует Умбру!

Чёрное пламя Селены замерло в метре от его лица, повинуясь её внезапному, паническому усилию воли. Она стояла, тяжело дыша, с широко раскрытыми глазами, глядя на свои

руки. *Что я наделала? Я же не хотела... я просто хотела победить.*

На трибунах воцарилась мёртвая тишина.

— Дисквалификация! — рявкнул судья, магистр Холт, спрыгивая на арену. — Вайр, немедленно погасите выброс!

Селена сжала кулаки, обрывая поток. Чёрное пламя исчезло, оставив после себя запах озона и тошнотворный привкус пепла на языке.

— Она читерит! — кричал Маркус, указывая на неё дрожащим пальцем. Его мантия была испорчена, лицо перекошено от ярости и страха. — Вы видели?! Это не Игнис! Это проклятая тень! Она Пепельная!

Селена подняла голову. Она хотела крикнуть, что он лжёт, что она просто потеряла контроль, что она *не* Пепельная. Но слова застряли в горле. Потому что она видела, как смотрят на неё студенты. Не с восхищением. С *отвращением*.

Высоко на трибуне, в самом тёмном углу, где свет магических светильников почти не доставал, сидел Каэден Морвайн.

Он не болел ни за кого. Дуэли казались ему варварством — бессмысленной тратой энергии ради тщеславия. Но сегодня он пришёл. Сказал себе, что ему нужно изучить манеру боя Вейла, чтобы понять, как работают Чистые Резонансы. Но на самом деле он смотрел только на неё.

Когда чёрное пламя поглотило щит Маркуса, Каэден по-

чувствовал это физически. Его теневое зрение, обычно рисующее мир в оттенках серого, на секунду ослепло. Тень Селены на арене не просто расширилась — она *вскрылась*. Из неё хлынула такая бездна отчаяния и голода, что у Каэдена перехватило дыхание.

И его собственная тень, лежащая у его ног, предала его.

Она не осталась лежать смирно. Она потянулась. Вниз, по ступеням трибуны, к арене. К Селене. Тонкая, чёрная нить, тянущаяся к источнику чужой боли.

— Твоя тень наклонилась, Каэден, — тихо произнёс голос справа.

Каэден мгновенно дёрнул волей, обрывая связь. Тень с щелчком вернулась на место, плотно прижавшись к его ботинкам. Он медленно повернул голову.

Рядом сидел Дорен Халл. Широкоплечий, спокойный, с руками кузнеца и лицом, высеченным из гранита. Дорен не смотрел на арену. Он смотрел на Каэдена.

— Это непроизвольный мышечный спазм, — холодно ответил Каэден, поправляя манжету, чтобы скрыть Глушитель. — Эфирный отклик на агрессивную среду.

Дорен хмыкнул. Звук был низким, похожим на треск остывающего угля.

— У теней нет мышц, Каэден. И они не спазмируются от вида Вейла. Они тянутся к тому, что хотят защитить. Или к тому, что хотят поглотить.

— Ты слишком много читаешь бульварных романов,

Халл.

— А ты слишком сильно сжимаешь кулаки, Морвайн. — Дорен кивнул на левую руку Каэдена.

Каэден посмотрел вниз. Его пальцы, обычно тонкие и расслабленные, были сжаты так, что побелели костяшки. А на указательном и среднем пальцах правой руки проступили чернильные пятна — он сжал перо, которое держал для конспектирования, так сильно, что оно треснуло, и чернила растеклись по коже.

Он медленно разжал пальцы. Сломанное перо упало на каменный пол.

— Её дисквалифицировали, — ровным голосом сказал Каэден, глядя, как Селена, опустив голову, уходит с арены под свист и улюлюканье. — Она опасна для себя и окружающих.

— Возможно, — согласился Дорен, поднимаясь. — Но Вейл сейчас выглядит так, будто ему нужно поменять бельё. А она просто идёт в раздевалку. Знаешь, в чём разница между вами?

— В том, что я — Пепельный, а она — сумасшедшая?

— В том, что она не боится своей силы. Она боится того, что вы о ней подумаете. А ты боишься своей силы, потому что тебе плевать, что подумают другие.

Дорен похлопал его по плечу тяжелой, тёплой ладонью и ушёл.

Каэден остался сидеть. Он смотрел на свои пальцы в чер-

нилах. Чёрные пятна на бледной коже.

Она боится того, что я о ней подумаю, эхом отозвалось в голове.

Каэден закрыл глаза. *Какая чушь. Мне плевать.*

Но когда он встал и пошёл к выходу, его тень шла чуть впереди него. И она больше не была такой холодной.

Сцена 2. Наказание и вынужденное соседство

Кабинет ректора Кроу не имел постоянной формы. Сегодня он выглядел как оранжерея, заросшая хищными, плотоядными растениями, которые тихо шипели, когда мимо них проходили. Стол ректора терялся под грудами свитков, странных механических устройств и черепов неизвестных животных. Сама Кроу сидела в кресле, которое парило в полуметре от пола, и выдувала кольца дыма, принимавшие форму летучих мышей.

Селена и Каэден стояли перед столом. Между ними было ровно два метра — дистанция, которую Каэден выдерживал безупречно, а Селена то и дело нарушала, переминаясь с ноги на ногу.

— Итак, — протянула Кроу, не глядя на них, а наблюдая за тем, как хищный цветок пожирает муху. — Вейр. Вы сожгли щит Вейла. И чуть не сожгли самого Вейла.

— Он первый начал, — буркнула Селена. — Он оскорблял мой Резонанс.

— Оскорбление — это слова, милая. А вы ответили анни-

гиляцией. Плохой обмен. Морвайн.

Каэден слегка наклонил голову.

— Ректор.

— Вы наблюдали за дуэлью. Вы видели, что она теряет контроль. Почему не вмешались? Вы же резонансная пара. Ваша задача — гасить её вспышки.

— Моя задача — учиться, ректор, а не служить нянькой для неисправной бомбы, — ледяным тоном произнёс Каэден.

Селена резко повернула к нему голову.

— Повтори это, аристократ. Только глядя мне в глаза.

— Вайр, Морвайн, тише, — Кроу махнула рукой, и растения вокруг них шикнули, выпуская облака сонной пыльцы. — Вы оба правы. И оба неправы. Камень выбрал вас не случайно.

Она наконец посмотрела на них. Её выцветшие глаза были серьёзными.

— Трение создаёт тепло. Тепло создаёт свет. Свет создаёт тень. Тень создаёт глубину. Без глубины нет резонанса. Вы пытаетесь сжечь друг друга, потому что боитесь того, что получится, если вы сольётесь.

Селена нахмурилась.

— Это что, поэзия? Я не понимаю поэзию.

— Это диагноз, Вайр. — Кроу затянулась трубкой. — До конца триместра вы двое будете проводить вместе минимум три часа в день.

Каэден моргнул. Впервые за всю встречу его маска дала трещину.

— Простите?

— Три часа. В контактной комнате номер четыре. Каждый день. После лекций.

— Вы шутите, — сказала Селена. — Я скорее подожгу себе волосы.

— Я подам апелляцию в Совет Голосов, — одновременно с ней произнёс Каэден.

Кроу усмехнулась. Дым из её трубки сложился в слово *«ОТКЛОНЕНО»*, после чего рассеялся.

— Совет Голосов сейчас занят тем, что пытается понять, почему Расколотое море штормит третий месяц подряд. Им не до ваших подростковых обид. Идите. И если вы опоздаете хоть на минуту, я лично скормлю вас плотоядным орхидеям. Они как раз на диете.

Дверь за их спинами распахнулась сама собой.

Селена и Каэден одновременно развернулись и вышли в коридор. Дверь захлопнулась, отрезая их от кабинета, но не друг от друга.

Они шли по коридору молча. Селена — широко шагая, размахивая руками, её рыжие волосы метались, как языки пламени. Каэден — ступая почти бесшумно, спина прямая, взгляд устремлён вперёд.

— Три часа, — наконец выдавила Селена, не глядя на него. — Три часа в день смотреть на твою самодовольную

рожу. Я не выдержу. Я тебя убью.

— Вы не сможете меня убить, Вайр, — тихо отозвался Каэден. — В контактной комнате подавляются все виды магии. Вы будете просто махать кулаками. А я умею уклоняться.

— О, я найду способ. Я задушу тебя конспектами.

Каэден не ответил. Они подошли к тяжёлой дубовой двери с медной табличкой *«Контактная комната №4»*.

Каэден толкнул дверь. Они вошли внутрь. Дверь за ними закрылась с тяжёлым, окончательным щелчком замка.

Сцена 3. Первая контактная сессия

Комната была три на три метра. Серый базальт. Ни окон, ни мебели. Только две скамейки у противоположных стен и тускло светящиеся синие руны подавления, покрывающие каждый сантиметр пространства. Воздух здесь был тяжёлым, вязким, как вода. Он давил на плечи, высасывал звуки, делал дыхание поверхностным.

Селена села на левую скамейку, закинув ногу на ногу. Каэден сел на правую, сложив руки на коленях.

Между ними было два с половиной метра. Целая пропасть.

Тишина.

Руны на стенах тихо гудели, нейтрализуя их Резонансы. Селена чувствовала себя так, будто её завернули в мокрое одеяло. Огонь внутри неё был, но он был заперт глубоко, на самом дне, и не давал тепла. Только глухое раздражение.

Она смотрела на стену. Каэден смотрел на стену.

Прошла минута. Две. Пять.

Селена не выдержала первой. Никогда не выдерживала.

— Ну давай, — сказала она, поворачивая голову. — Скажи что-нибудь ядовитое. Ты же весь день копишь. Выплюнь, легче станет.

Каэден медленно повернул к ней голову. Его лицо было абсолютно спокойным, но в глазах плясали холодные искры.

— Я не трачу слова на тех, кто не способен услышать, Вайр. Мой словарный запас ограничен, а ваш — бесконечен, но состоит исключительно из мусора.

Селена усмехнулась. Злость была привычной, уютной.

— О, мы играем в интеллектуалов? Ладно, Морвайн. Давай поиграем. Почему ты так боишься снять этот браслет? Даже когда никто не видит?

Каэден не дрогнул. Только его пальцы, лежащие на коленях, чуть сильнее впились в ткань штанов.

— Мой Глушитель — это не страх. Это дисциплина. То, чего вам, к сожалению, не привили в вашем... нижнем Веренне.

— В Нижнем Веренне нас учили не скулить, когда нам делают больно, — парировала Селена, подаваясь вперёд. — А тебе что делали в твоём приюте для Пепельных? Били линейкой по рукам, если ты пытался колдовать?

Она метнула в него взгляд, полный вызова. И, повинуясь импульсу, дёрнула рукой, посылая в него крошечную, без-

обидную искру. Просто чтобы посмотреть, как он дёрнется.

Искры не было.

Руны на стенах вспыхнули ярче, поглощая её жалкую попытку. Воздух между ними даже не нагрелся.

Каэден смотрел на её руку. Потом поднял глаза на её лицо.

— Ваша магия здесь нейтрализована, — ровным голосом сказал он. — Как и моя. Мы просто сидим. Вы не можете меня поджечь. А я не могу вас задушить тенью. Мы в безопасности друг от друга.

— Прекрасно, — Селена откинулась на спинку скамейки и скрестила руки на груди. — Тогда я буду смотреть в стену. И считать трещины.

Она демонстративно уставилась в базальт.

Каэден тоже отвернулся.

Снова тишина. Но теперь она была другой. Не враждебной. *Напряжённой*. Как натянутая тетива лука.

Селена сидела неподвижно, но внутри неё всё кипело. Она злилась на Маркуса. На Кроу. На Каэдена. На себя. Она сжимала челюсти так, что ныли зубы. *Я не Пепельная. Я не монстр. Я просто... я просто не умею это контролировать. Пока.*

На противоположной скамейке Каэден закрыл глаза.

В полной темноте, без визуальных помех, его теневое зрение работало острее. Он не видел Селену. Он видел её *тень*.

В комнате с подавленной магией тени становились гуще, контрастнее. Тень Селены лежала на полу и на стене позади

неё. И она *дрожала*.

Не мелко, от страха. Крупно, рывками. Как дрожит хищник, запертый в слишком тесной клетке. Каэден чувствовал, как от этой тени исходят волны сдерживаемой, клокочущей ярости. Но под яростью... под ней было что-то ещё.

Он приоткрыл глаза. Посмотрел на её профиль. На упрямо сжатые губы. На шрам на брови. На то, как она крепко обнимает себя за плечи, будто пытаясь удержать себя от того, чтобы развалиться на куски.

Она не злая, вдруг подумал Каэден. Мысль была такой чёткой и неожиданной, что он чуть не вздрогнул. *Она не монстр и не неисправная бомба. Она раненая. Ей больно. И она нападает первой, потому что думает, что если она не будет кусаться, её затопчут.*

Он мгновенно отогнал эту мысль. Сжал её в кулак и выбросил в ментальную мусорную корзину. *Нет. Это манипуляция. Она грубая, громкая и опасная. Не смей её жалеть, Морвайн. Жалость — это трещина в броне. А тебе нельзя иметь трещин.*

— Вы слишком громко дышите, Вайр, — сказал он в пустоту, не поворачивая головы.

Селена фыркнула.

— А ты слишком громко думаешь, Морвайн. Прямо слышу, как шестерёнки в твоей ледяной башке скрипят.

Каэден чуть заметно усмехнулся. Уголком рта.

— Мои шестерёнки работают идеально. В отличие от ва-

шего парового котла.

Селена повернула голову и посмотрела на него. В её серо-зелёных глазах всё ещё был огонь, но он был уже не чёрным, а обычным, тёплым, рыжим.

— Знаешь, что самое смешное? — тихо сказала она.

— Уверен, вы мне расскажете.

— Мы сидим здесь три часа. И за эти три часа мы сказали друг другу больше гадостей, чем я говорю людям за месяц.

— Это потому что вы, Вайр, в основном общаетесь с помощью кулаков и поджогов. Здесь вы лишены этих инструментов. Приходится использовать слова.

Селена хмыкнула. Она расцепила руки и положила ладони на колени.

— Ладно. Давай так. Ты не будешь называть меня «неисправной бомбой», а я не буду называть тебя «аристократической мордой». Хотя бы сегодня.

Каэден медленно повернул к ней голову. Посмотрел на её ладони. На левой, у основания большого пальца, виднелся свежий, странный ожог с серыми прожилками. Тот самый, который он видел прошлой ночью на крыше.

Он промолчал про ожог.

— Договорились, — тихо сказал он. — На сегодня.

Селена кивнула. И снова уставилась в стену.

Каэден тоже посмотрел на стену.

Они просидели так ещё два часа. Молча. Но это молчание больше не было мёртвым. Оно было живым. Оно дышало.

И когда дверь наконец открылась, выпустив их в коридор, Селена вышла первой, потягиваясь и хрустя шеей.

— Ну что ж, — бросила она через плечо. — Увидимся завтра, Морвайн. Постарайся не соскучиться.

Каэден вышел следом. Он посмотрел ей вслед, на её размашистую, неуклюжую походку, на её рыжие вихры.

— Вряд ли, Вайр, — тихо ответил он в пустой коридор.

Но когда он шёл к своей башне, его пальцы, спрятанные в карманах, невольно сжались и разжались. А на указательном пальце правой руки всё ещё проступало чёрное чернильное пятно. Напоминание о том, что даже в темноте он видел её слишком ясно.

Глава 4. Шрамы не кричат

Корабль назывался «Глухой Стон», и это имя подходило ему идеально.

Магическое судно, вырезанное из цельного куска тёмного дерева, с рунами, вплетёнными в борта, и парусами из тончайшей эфирной ткани, покачивалось на волнах Расколотого моря. Тридцать студентов первого курса, разбитых на группы по четыре человека, стояли на палубе и пытались не выглядеть так, будто их сейчас стошнит.

Экспедиция. Первое задание за пределами Кайрн-Валя. Задание звучало просто: спуститься к нижним слоям Раскола, собрать образцы кристаллизованного Резонанса — минерала, который формировался в местах, где реальность была «тонкой», — и вернуться до заката. Простое, рутинное, безопасное.

Так сказал преподаватель. Так было написано в методичке.

Селена стояла у борта, вцепившись в канат, и смотрела, как остров Кайрн-Валь уменьшается за кормой. Ветер трепал её короткие волосы, солёные брызги кололи щёки. Она пыталась думать о задании. О кристаллах. О том, как будет выглядеть её отчёт, если она напишет его без единой грамматической ошибки.

Но думать о задании было невозможно. Потому что рядом

с ней, в полутора метрах, стоял Каэден Морвайн.

Их пара была назначена «по умолчанию». Резонансные группы формировались на основе контактных сессий, и Кроу, с её бесконечной любовью к издевательствам, поставила Селену и Каэдена в одну лодку. Буквально.

— Не наступите мне на ногу, Вайр, — тихо произнёс Каэден, глядя вдаль.

— Я стою в метре от тебя, Морвайн. Физически не могу.

— Вы умудряетесь нарушать законы физики. Уверен, что и расстояние для вас — условность.

Селена открыла рот для достойного ответа, но корабль качнуло, и она схватилась за канат, чтобы не упасть. Каэден даже не пошатнулся. Он стоял на палубе, как вросший в неё, с идеальной осанкой и абсолютно непроницаемым лицом. Его тень лежала у ног — тонкая, чёрная, неподвижная.

Группа спуска, объявил руководитель экспедиции, магистр Терра по имени Олден, — *начинает погружение через двадцать минут. Проверьте снаряжение. Защитные амулеты на шее. Резонансные пары работают вместе. Не разделяться. Не отходить от маршрута. Если видите что-то, что не указано в методичке, — не трогаете. Зовёте меня. Ясно?*

Студенты закивали.

Селена проверила амулет. Каэден проверил свой. Они не смотрели друг на друга.

Спуск в Расколотое море был похож на погружение в чужой сон.

Магический батискаф, в котором разместились шесть пар, медленно опускался в воду. Стены были прозрачными — из закалённого эфирного стекла, — и Селена видела, как за бортом сгущается темнота. Не обычная, ночная. *Другая*. Темнота, которая имела вес. Которая *смотрела*.

Чем глубже они уходили, тем сильнее менялся свет. Наверху, у поверхности, вода была серо-зелёной, живой, с проблесками солнца. На тридцати метрах она стала синей, густой, как чернила. На пятидесяти — чёрной. Абсолютно, безнадёжно чёрной.

Селена прижалась спиной к стенке батискафа. Внутри было тесно. Шесть пар, двенадцать человек, воздух пах потом, металлом и страхом. Каэден стоял в полуметре от неё. В тесноте батискафа полметра казались бесконечностью и одновременно — клеткой.

— Вам нехорошо? — спросил Каэден. Тихо. Почти беззвучно.

Селена повернула голову. Его лицо в тусклом свете бортовых огней было бледным, почти прозрачным. Под глазами залегли тени — не магические, а обычные, от недосыпа.

— С чего ты взял?

— Вы дышите чаще, чем обычно. И сжимаете кулаки.

— Я всегда сжимаю кулаки. Это моя нормальная поза.

Каэден ничего не ответил. Но его взгляд скользнул по её

рукам и задержался на левой ладони. Той самой, где серые прожилки ожога уже почти исчезли, оставив лишь слабую, бледную сетку.

Селена сунула руки в карманы.

Батискаф качнулся. За бортом, в чёрной воде, что-то *промелькнуло*. Не рыба. Не водоросль. Что-то большое, бесформенное, *неправильное*.

Селена почувствовала, как у неё по спине пробежал холодок. Она посмотрела на Каэдена. Он смотрел в темноту за стеклом. Его глаза были чуть расширены, зрачки поглощали серебристые вкрапления радужки. Он *видел*. Своей теневой чувствительностью он видел то, что остальные не могли.

— Там что-то есть, — прошептал Каэден.

— Диссонансы в Расколе — обычное дело, — отмахнулась студентка из соседней пары, Аква, с косичками. — Мелкие. Не опаснее бродячих собак.

Каэден не ответил. Его тень у ног дрогнула. Не от страха. От *напряжения*. Как натянутая струна.

Батискаф коснулся дна. Мягкий толчок. За бортом — ил, обломки старых рун, тускло светящиеся кристаллы Резонанса.

— Выходим, — скомандовал Олден. — Пары не разделять. Собираете кристаллы в контейнеры. Не более пяти минут на точке.

Люк открылся. Вода не хлынула внутрь — её сдерживал эфирный купол, обтягивающий батискаф, как мыльный пу-

зырь. Студенты выходили по двое, ступая в мягкий, вязкий ил.

Селена шагнула наружу. Дно было мягким, податливым. Свет от амулетов на шеях выхватывал из темноты клочки реальности: камень, ил, мёртвые кораллы.

— Кристаллы, — Каэден указал на тусклые наросты, торчащие из скалы в трёх метрах. — Вон там. Идёмте.

Они пошли. Медленно. Селена чувствовала, как вода давит на купол вокруг них, как гудят руны на амулете. Каэден шёл чуть впереди, его тень стелилась по дну, ощупывая пространство.

Они собрали три кристалла. Четвёртый. Пятый.

И тут Каэден остановился.

Резко. Как врезался в невидимую стену.

Его тень, которая до этого спокойно лежала на иле, вдруг *вздыбилась*. Поднялась, как кобра перед броском. И Каэден *побледнел*. Не побледнел — посерел. Его губы сжались в тонкую белую линию.

— Назад, — сказал он. Тихо. Но голос был чужим. Не ледяным. *Мёртвым*.

Селена моргнула.

— Что?

— НАЗАД! — закричал он.

И Селена увидела.

Из-за скалы, в двадцати метрах от них, *поднималось* нечто. У него не было формы. Не было глаз, пасти, конечно-

стей. Это было просто *пятно*. Чёрное пятно, которое было чернее окружающей темноты. Оно не плыло — оно *отсутствовало*. Как дыра в ткани мира. И от него тянулись нити. Тонкие, серые, дрожащие нити, которые тянулись к магам. К их свету. К их Резонансу.

Диссонанс.

Не мелкий. Не «бродячая собака». Огромный. Голодный.

Селена не думала. Рефлекс. Обучение. *Атакуй первым.* Она вскинула руку и выпустила струю пламени. Оранжевый, горячий, яростный огонь ударил в чёрное пятно.

И *погас*.

Не отразился. Не взорвался. Просто *впитался*. Как вода в песок. Диссонанс поглотил её огонь и *задрожал* от удовольствия. Его нити потянулись ближе.

— Вайр, нет! — крикнул Каэден.

Но Селена уже готовила второй залп. Больше. Сильнее. *Съешь это*, подумала она. *Съешь тварь.*

Чёрное пламя сорвалось с её ладоней. Оно ударило в Диссонанс. И Диссонанс *замер*. А потом — *раздался*. Вширь. Как будто её огонь не ранил его, а *накормил*. Нити стали толще. Они потянулись к Селене. К её груди. К тому месту, где жил огонь.

Селена почувствовала, как что-то *тянет* из неё тепло. Не жар. *Суть*. Её Резонанс. Её огонь.

— Отойдите!

Каэден был рядом. Он схватил её за плечо и оттолкнул

назад. Селена упала в ил, больно ударившись локтем. Каэден стоял между ней и Диссонансом. Его руки дрожали. Пальцы метнулись к запястью. К Глушителю.

— Каэден, нет! — крикнула Селена. — Тебе нельзя!

Он не слушал. Его пальцы нашли замок браслета. Щелчок. Багровый камень мигнул. И *погас*.

Глушитель упал в ил.

И мир *изменился*.

Тень Каэдена не просто выросла. Она *взорвалась*. Из тонкой полоски у ног она превратилась в нечто огромное, бесформенное, заполнившее половину пространства. Чёрные крылья. Чёрные щупальца. Чёрная стена между Селеной и Диссонансом.

Диссонанс отпрянул. Его нити наткнулись на теневой барьер и *зашипели*. Каэден стоял, раскинув руки, и его тень держала тварь. Не атаковала. *Держала*. Как щит.

Диссонанс дёрнулся. Ещё раз. Третий. Барьер Каэдена трещал, но не ломался.

А потом тварь *развернулась* и ушла. Ушла в темноту, в глубину, туда, где свет не доставал. Растворилась.

Каэден стоял ещё секунду. Две. Три. Его тень медленно оседала, сжималась, возвращалась к ногам. Он пошатнулся. Поднял руку. На запястье, там, где был Глушитель, красовалась бледная полоска кожи.

Он повернулся к Селене. Его лицо было серым. В глазах — пустота.

— Вы... — Селена поднялась с ила. Ноги дрожали. — Ты только что меня спас.

Каэден посмотрел на неё. Долго. Потом наклонился, подобрал Глушитель из ила, вытер его рукавом и застегнул обратно на запястье. Багровый камень тускло запульсировал.

— Я спас себя, — сказал он. Голос был ровным. Мёртвым. — Вы стояли на пути.

Селена моргнула.

— ...Спасибо.

— Не за что. Не повторяйте.

Он развернулся и пошёл к батискафу. Не оглядываясь. Его шаги были ровными. Спина прямой. Но Селена видела, как дрожат его пальцы. Как он сжимает и разжимает кулаки, пряча их в карманы.

Она стояла в иле и смотрела ему вслед. И думала: *Он снял Глушитель. Он снял его ради меня. Он сказал, что спас себя. Но он лжёт.*

И впервые за всё время их знакомства Селена не хотела его ударить.

Ночь на корабле была тихой. Слишком тихой. Расколотое море после заката становилось абсолютно неподвижным — ни волн, ни ветра. Только скрип снастей и далёкий, низкий гул, идущий из глубин.

Селена сидела на корме, свесив ноги за борт. Ветер трепал полы её куртки. В руках — жестяная кружка, давно остыв-

шая. Она не пила. Просто держала. Чтобы руки были заняты. Чтобы не сжимать кулаки.

Перед глазами стояло одно и то же. Чёрное пятно. Нити, тянущиеся к её груди. Каэден, срывающий Глушитель. Его тень, огромная, живая, *защищающая*.

Шаги за спиной. Мягкие, лёгкие.

— Чай остыл, — Иллари плюхнулась рядом, скрестив ноги. В руках у неё были две кружки. Одна — с дымящимся чаем. Вторая — пустая. — Держи. Я принесла свежий.

Селена взяла кружку. Не отпила.

Они сидели молча. Иллари болтала ногами над водой. Её светлые волосы были заплетены в свободную косу, мантия сменилась на мягкий свитер. Она выглядела домашней. Тёплой. Абсолютно неуместной на этом проклятом корабле посреди проклятого моря.

— Ты думаешь о нём, — сказала Иллари. Не вопрос. Утверждение.

— Я думаю о Диссонансе, — соврала Селена.

— Ты врёшь. Твоя тень сжимается каждый раз, когда ты вспоминаешь его лицо.

Селена повернула голову.

— Ты видишь тени?

— Я Аква. Я вижу *отражения*. Тени — это отражения света. — Иллари отхлебнула чай. — Сел. Послушай. Я знаю, что ты его ненавидишь. Или думаешь, что ненавидишь. Но... ты знаешь, кто он?

— Пепельный. Сын предателя. Аристократическая морда.

— Сын Эдриана Морвайна, — тихо сказала Иллари. — Которого казнили на площади Веренна. Когда Каэдену было одиннадцать.

Селена молчала.

— Его привели на казнь. Всех детей Пепельных привели. Обязательное присутствие. Чтобы видели. Чтобы *запомнили*. — Иллари смотрела в воду. Голос был ровным, но пальцы на кружке побелели. — Эдриана не просто убили. Его Резонанс вырвали из тела. Публично. На глазах у толпы. И его сын смотрел. Три часа. Потому что казнь длилась три часа.

Селена почувствовала, как что-то внутри неё сжалось. Не жалость. Не сочувствие. Что-то более глубокое. Более тупое. Как удар в солнечное сплетение.

— Потом его забрали в приют, — продолжала Иллари. — Приют для Пепельных. Ты знаешь, что там делают? Детям? Которые «унаследовали тьму»?

Селена знала. Слышала. В Нижнем Веренне ходили слухи. Белые повязки на глазах. Голодание. «Перевоспитание» болью.

— Три года, — сказала Иллари. — Три года в приюте. Пока Совет не решил, что Пепельные «нуждаются в образовании». И его отправили в Кайрн-Валь. С Глушителем. Который ему надели в одиннадцать и не снимали десять лет.

Селена смотрела в воду. В чёрную, неподвижную воду.

— Он не чудовище, Сел, — тихо сказала Иллари. — Он не

монстр. Он просто... замёрзший. Десять лет в клетке. Десять лет, когда тебе говорят, что ты — ошибка. Что ты — сын чудовища. Что твоя сила — это болезнь.

— Мне всё равно, — сказала Селена. Голос был ровным. Почти убедительным.

Иллари посмотрела на неё. Долго. Потом пожала плечами и допила чай.

— Ладно. Если тебе всё равно.

Она встала. Ушла.

Селена осталась одна. Она сидела на корме до рассвета. Не спала. Думала. Не о Каэдене. О себе. О том, как она в четырнадцать лет подожгла дверь в доме пьяного отчима, потому что он поднял руку на мать. О том, как её выгнали из школы за «деструктивное поведение». О том, как она жила в подвале и грелась собственным огнём, потому что не было дров.

Замёрзший, подумала она. *Да. Я тоже замёрзшая. Просто я грею себя огнём, а он — темнотой.*

Она не спала до утра.

В трюме корабля, среди ящиков с кристаллами и запасных амулетов, было темно и пахло плесенью. Каэден сидел на перевёрнутом ящике, привалившись спиной к борту. Глаза закрыты. Руки лежали на коленях. Глушитель на запястье тускло пульсировал.

Дорен Халл сидел напротив, на мешке с инструментами.

В руках он крутил маленький медный болт, перекатывая его между пальцами.

— Ты мог не снимать Глушитель, — сказал Дорен. Голос был тихим, без упрёка. Просто факт.

Каэден не открыл глаз.

— Она бы погибла.

— И что?

Каэден открыл глаза. Посмотрел на Дорена.

— Что значит «и что»?

— Я спрашиваю, — Дорен перекатил болт. — Она бы погибла. И что бы изменилось? Для тебя. Для мира. Ты бы снял Глушитель, показал всем свою силу, подтвердил бы их худшие страхи. И ради кого? Ради девушки, которая называет тебя «аристократической мордой» и пытается поджечь при каждой возможности?

Каэден молчал.

— Каэден. — Дорен перестал крутить болт. — Зачем ты это сделал?

Каэден смотрел в темноту трюма. На свои руки. На чернильные пятна, которые не отмывались. На бледную полоску кожи под Глушителем.

— Не знаю, — сказал он.

— Не знаешь?

— Не знаю. Не спрашивай.

Дорен смотрел на него. Долго. Потом вздохнул. Сунул болт в карман.

— Ладно. Не спрошу.

Он встал. Пошёл к лестнице. На середине остановился. Обернулся.

— Знаешь, что я думаю? Я думаю, что ты снял Глушитель не потому, что она бы погибла. А потому, что ты *не мог* смотреть, как она умирает. Это разные вещи, Каэден.

Он ушёл.

Каэден остался сидеть в темноте. Один. Он смотрел на свои руки. На чернила. На бледную полоску.

Не мог смотреть, думал он. *Да. Не мог. Потому что её тень... её тень кричала. И я не мог этого слышать.*

Он закрыл глаза. И впервые за десять лет не стал себя за это ругать.

Утро. Корабль швартовался у причала Кайрн-Валя. Студенты выходили на берег, щурясь от солнца, потягиваясь, жалуясь на качку.

Селена шла в конце группы, рядом с Иллари. Она не выспалась. Под глазами залегли тени, волосы торчали в разные стороны.

На причале их ждали. Не преподаватели. Не студенты.

Маркус Вейл.

Он стоял в центре причала, заложив руки за спину, в идеально выглаженной мантии. Улыбка — широкая, белая, хищная. Рядом с ним — трое приятелей из дуэльной команды.

— О, — Маркус раскинул руки, как гостеприимный хозяин. — Герои возвращаются! Слышал, экспедиция была... *насыщенной*.

Селена прошла мимо. Не остановилась. Не посмотрела.

Но Маркус не закончил.

— Говорят, Морвайн снял Глушитель. — Голос Маркуса стал громче. Театральнее. Он обращался не к Селене. К толпе. К студентам, которые выходили из батискафа и замирали, услышав имя. — Героизм? Или тёмная натура прорвалась? Может, он натравил на нас Диссонанса, а потом «спас», чтобы получить медаль?

Селена остановилась.

Каэден проходил мимо Маркуса. Не замедлил шага. Не повернул головы. Не ответил. Просто прошёл. Как мимо пустого места.

Но Селена *остановилась*.

Она развернулась. Медленно. И пошла к Маркусу.

— Заткнись, Вейл, — сказала она. Тихо. Но в тишине причала это прозвучало как удар колокола.

Маркус повернулся к ней. Улыбка стала шире.

— О, огненная девочка заступается за теневого пса? Как трогательно. Может, ты тоже Пепельная, Вайр? Может, вас обоих надо проверить?

Селена сделала шаг вперёд. Ещё один. Она была ниже Маркуса на голову, но в этот момент казалась выше. Её глаза горели. Не оранжевым. Чем-то более тёмным.

— Я сказала, — она ткнула пальцем ему в грудь, — *заткнись*. Или я заткну тебя сама. И на этот раз не промахнусь.

Маркус посмотрел на её палец. На её лицо. Улыбка чуть померкла. Он сделал шаг назад.

— Ты мне угрожаешь, Вайр?

— Я тебя *предупреждаю*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.